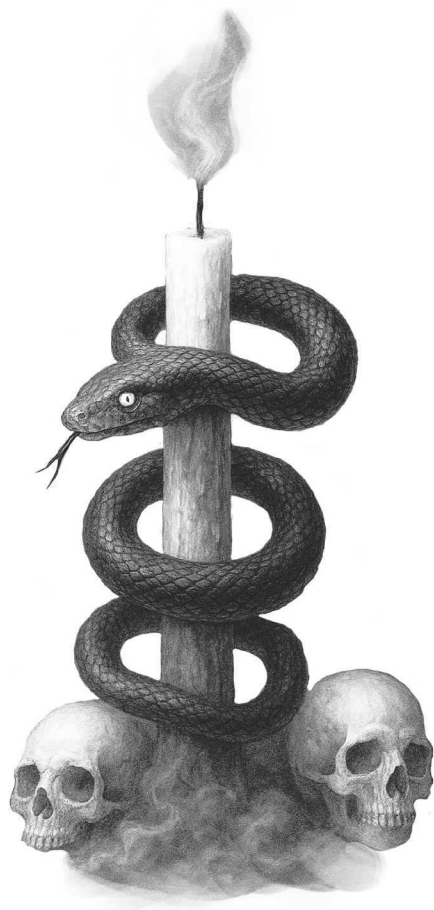

Сергей Федоранич

АНАТОМІЯ РИТУАЛА

2025

Глава первая

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Что старушка мертва Тим догадался не сразу. Прием пациентов он начал в половину восьмого утра, и уже к третьему посетителю отставал от графика, потому что компьютер глючил, не давал открыть карту пациента, чтобы сделать назначения. С переходом на цифровое ведение карт затрачивается меньше чернил, зато больше нервов: сегодня почти от каждого нажатия кнопки система выдает: «Подождите, идет

загрузка данных». У Тима сжимались кулаки. Естественно, пациенты тоже раздражались. Вместо обычных тридцати минут приема, за которые он раньше успевал провести осмотр, ознакомиться с результатами анализов, выслушать жалобы и записать все в бумажную карту, теперь только с шайтан-машиной боролся минут пятнадцать. Ни на какие осмотры и внимательное отношение к словам пациента времени не оставалось.

В тот день ему удалось нагнать график только к четырем часам. И то — за счет прогульщиков, не пришедших на прием. Он отпустил медицинскую сестру попить чай, а сам закинул руки за голову и вытянулся в кресле.

В дверь постучали. В открывшемся проеме Тим увидел старушку лет восьмидесяти, но не признал в ней свою пациентку. Беглый взгляд на нее и сразу выводы: нейропатия нижних конечностей, сильнее всего страдает левая нога, ортез не носит, и, видимо, не собирается. А значит, в ближайшее время запнется и рухнет, сломает шейку бедра и сляжет уже навсегда.

Добрый день.

— Добрый день, — поздоровался Тим. — Вы записаны на прием?

Старушка глуповато улыбалась, словно он спросил, вымахала ли рассада у нее на балконе. Улыбалась и не отвечала. Она, прихрамывая, дошла до стула для посетителей, села. Из хозяйственной сумки на колесиках извлекла пластиковую папку с кучей листочков. Пораженные катарактой глаза, вероятно, почти ничего не видели, потому что она щурилась и пыталась нащупать неуклюжими пальцами заклепку на папке.

Я хотела бы проконсультироваться насчет моих анализов.

— Хорошо, — ответил Тим. — Но все же назовите вашу фамилию, мне нужно убедиться, что вы записаны. Или записать вас. И результаты я смогу увидеть только из вашей карты.

Коханова Надежда Павловна.

Тим ввел ФИО в строку поиска базы данных, но никакой «Кохановой Надежды Павловны» среди пациентов не нашлось.

— Странно, — протянул он. — У вас нет электронной карты?

По всей видимости нет. Но у меня все бумаги с собой. Вот только совладаю с замком.

— Давайте я вам помогу, — предложил Тим и протянул руку. Сложно было справиться с раздражением, но он старался как мог — не выгонять же её.

Тим взял папку и вывалил документы на стол. Это были старые бланки из желтой газетной бумаги, заполненные от руки. В правом нижнем углу синела печать лаборатории и подпись специалиста. Таких не используют уже лет десять. Когда Тим начинал работу кардиологом, от этих форм стали отходить, заменяли на более простые, которые распечатываются на принтере с уже заполненными показателями конкретного пациента.

— А свежих анализов нет? — спросил он.

Нет. Но вы поглядите на результаты от двадцать пятого января. Как вам кажется, все в порядке? Или стоит беспокоиться?

Тим нашел листочек, датированный нужным днем. Это был биохимический анализ крови. Коханова Н.П., 79 лет. В целом, для ее возраста результаты вполне приличные. Что-то погранично, что-то чуть выше нормы.

— Есть с чем разбираться, — ответил он. — Но не критично.

Я так и думала. А поглядите, пожалуйста, результаты от второго февраля.

Тим их уже смотрел. Нарастание по все тем же показателям, но незначительное. Буквально на какие-то копейки. Тенденция неприятная, но стоило еще понаблюдать в динамике.

— И снова не критично, — прокомментировал Тим, — однако показатели повышены. По всей видимости, доктор, ко-

торый вам назначал эти анализы, думал примерно также. И должен был назначить еще исследования.

Он и сам уже видел, что дополнительные исследования назначены и пройдены. Спустя еще месяц – новый развернутый анализ крови, показатели стали сильно хуже. Когда он видит такие цифры, то сразу же госпитализирует человека.

— Могу я посмотреть вашу карту?

Ему стало не по себе. Коханова явно ждала от него какого-то заключения. Он же обладал только этими скромными данными на листочках желтой газетной бумаги, и не имел ни диагноза, ни анамнеза, ни объективной картины. Да, он мог осмотреть ее сейчас, и сделать какие-то выводы. Но... все выглядело так, будто сидящая перед ним старушка в теплом шерстяном платье уже не та женщина, чьи результаты он смотрит — потому что у той женщины не было шансов сегодня войти в его кабинет.

Нет ее у меня, сынок. Она в архиве уж давно.

— Наверное, в регистратуре, — поправил он. — Тогда стоит карту запросить. Потому что эти анализы старые. Нужно сделать свежие анализы и посмотреть на вашу историю болезни, поскольку с такими результатами, которые я в этих бумагах вижу, вас должны были госпитализировать и оказать помощь. Какое лечение вы получали?

Старушка продолжала улыбаться и кивала каждому слову. Но на вопрос не ответила.

— Я вижу, что у вас, скорее всего, нейропатия нижних конечностей, причем, обеих, хоть левая нога ярче выражена. И неясен фон заболевания. Могу я осмотреть вашу ногу? Левая хуже всего слушается, да?

Двадцатого марта я в последний раз сдала анализ, результаты пришли двадцать пятого. Поглядите.

Тим не видел бланка с этой датой. Перелистал все еще раз. А, вот он, прилип к другому листочку. Он всмотрелся в

мелкие буковки и цифры — как обычно, число и месяц написаны ручкой, а год пропечатан и почти не разобрать. Увидел троекратно подчеркнутые показатели, и кучу восклицательных знаков. В правом верхнем углу красной ручкой написано: «СИТО! Срочно врачу!» Ни одного показателя в норме. От двадцать пятого января (а если отсчитать пять дней на подготовку результатов, то получается, почти «норма» была двадцатого) до двадцать пятого марта всего два месяца. И такое резкое ухудшение. Это не просто ухудшение...

— Вы умираете, — сказал он растеряно. — Я не понимаю, как так. Что случилось? Почему так резко...

Резко ли? Поглядите все с самого начала, не торопитесь.

Он все же всмотрелся в дату.

— Постойте, я не понимаю... Этим анализам столько лет... Что с вами тогда случилось? Нельзя с такими показателями выйти в здоровое состояние. Тут полный отказ органов. Вы должны были двадцать пятого марта указанного года лежать в реанимации. А вы здесь, передо мной.

Он потрясенно смотрел на нее и результаты.

— Это не ваши анализы, да? — спросил он.

Мои результаты, я Надежда Павловна Коханова. Сынок, вы не торопитесь, поглядите на результаты еще раз. Их же не много. Вы поймете, я верю, что поймете.

Он положил их перед собой, в хронологическом порядке. Стал просматривать в динамике. Сначала незначительное нарастание, а затем резкое ухудшение. Что случилось с пациенткой? И как она может быть жива сейчас, много лет спустя, после явного отказа органов? Судя по надписи «СИТО! Срочно врачу!» на последнем бланке, этот результат делала клиническая лаборатория в стационаре, для реанимационного отделения. Неврология в этом случае не исключается, а с учетом развившейся нейропатии на обеих ногах сейчас...

— А давно у вас ноги не слушаются? — уточнил он.

Это уже после, после.

Он смотрел еще и еще, взял ручку и стал выписывать в блокнот. Фатальный исход, не иначе. В чем ошибка? Лаборатория неправильно замерила в последнем результате? Или ошибались предыдущие разы?

— А кто ваш лечащий врач был? — спросил он.

Вы.

У Тима кольнуло сердце. Как это — он? Если бы у него был такой случай, он бы его запомнил. Не часто врачу выпадает шанс увидеть чудо медицины, когда у пожилого пациента показатели настолько плохи и продолжают ухудшаться, а потом резко стабилизируются. Тем более, в то время он проходил ординатуру во второй клинической всего полгода, пациентов было не так много, как сейчас, и такой случай бы однозначно застрял в памяти.

Коханова... Коханова...

Он вспомнил. Никакого чуда выздоровления не было, состояние пациентки ухудшалось, а потом она пропала, и о ее судьбе он не справлялся, потому что уехал на двухлетнюю учебу в Швейцарию после окончания ординатуры.

Но вот спустя столько лет она здесь, с теми же результатами анализов. Как она по сей день? Или она... не жива? Черт возьми, сегодня явно переработал, от дурацкого компьютера, недосыпа и бесконечного потока обозленных задержками приема пациентов уже крыша едет.

— Мне нужно посмотреть историю болезни, — сказал он.
— Это фрагментарное обследование, без полноценной картины я не могу прийти ни к каким выводам.

Не можете или боитесь?

— Может быть, и боюсь, — ответил он. — Потому что по всем данным вы должны были умереть не позднее конца марта годы назад. Но вы здесь, передо мной. И это меди-

цинская загадка и чудо. Скорее всего, вы попали в реанимацию, и врачи смогли обратить отказ органов, хотя я уверен... почти на сто процентов, что это невозможно... с такими показателями крови... ее там вообще нет, одни токсины и продукты распада.

Могли вы по первым двум результатам анализов забить тревогу? Могли сказать, что моя жизнь в опасности?

Вопросы не вызывали в нем тревоги, потому что ему прежде еще никогда не предъявляли обвинений во врачебной халатности, и он не знал, какими в реальности могут быть последствия. И если обычно это происходит вот так, то бояться здесь совершенно нечего. Больше похоже на *post-mortem* исследование, чем на допрос с пристрастием. И защищаться совершенно не хотелось – бессмысленно, он в самом деле ошибся.

— Наверное мог, — ответил Тим, — и должен был. Ведь я смотрел не только в эти листочки, но и на вас. Вы ведь ко мне пришли с какими-то жалобами, я назначил анализы. Увидел результаты, все в норме более-менее, значит, искать нужно в другом. Я не помню, какие у вас были симптомы. Сейчас не помню, это было много лет назад. Но я почему-то назначил еще, и потом еще и еще, и причем, одно и то же. Почему — не понимаю. Не зная жалоб, сложно судить о назначениях. У вас сохранились какие-то исследования, кроме этих?

Никаких больше не было.

— Быть не может, не допускаю даже мысли такой.

Он не стал бы просто гонять старушку в лабораторию сдавать кровь и ждать, когда она умрет. Не мог он так, точно не мог. Тим энергично помотал головой, избегая смотреть в глаза Кохановой. Даже в самый «зеленый» период, в самый страшный первый день в белом халате он никогда бы не пренебрег назначением полноценного исследования пусть и не знал, какой именно вид диагностики необходим. А уж тем

более в таком клиническом случае яснее ясного, что проверять надо все: сердце, почки, печень, поджелудочную, молочные железы и кишечник. Возможно, он отправил старушку с этими результатами к терапевту за комплексным обследованием? Наверняка так и было. Но кардиограмму и ЭХО сердца назначил бы сам...

И даже если это так, по первым двум результатам могли ли вы обеспокоиться?

Она смотрела на него все с той же улыбкой. Только сейчас он увидел не глупую старушечью улыбку непонимания новой жизни. Нет, это была улыбка прощения. Все это время она как бы говорила: *посмотри на меня, Тим, я не держу камней за пазухой, у меня нет на тебя обиды; пойми сам, что тобой содеяно, раскайся; передо мной не страшно, я не буду тебя судить.*

Тим смотрел на старушку. Она закрыла глаза и продолжала растягивать губы так беззащитно и наивно, словно ребенок. Ему нечего было ей сказать.

— Чем я теперь могу вам помочь? — спросил он.

Неловкими пальцами она сгребла бумаги обратно в папку, долго возилась с кнопкой замочка. Тим помог ей.

Всю жизнь была я одна. И досель одна, никто не навещает. Изыщите время, придите на мою могилку, тем и оплатите.

— Я даже не знаю, как ты считаешься, Тим, — сказала Вера, укрывая Тима одноразовой простышкой.

— Когда у тебя будет инфаркт, можешь прийти ко мне вне очереди. — Тим попытался улыбнуться. Вера показала ему язык.

— Постарайся не шевелиться. Скоро увидимся.

Тим натянул наушники. Кушетка под ним пришла в движение, он закатился в рентгеновскую трубку томографа по плечи. Вера удалилась в соседнюю комнату.